

Личность в экстремальных условиях

Валерия Мухина

ПОЖИЗНЕННО ЗАКЛЮЧЕННЫЕ: МОТИВАЦИЯ К ЖИЗНИ*

ХII. Диалоги: амбивалентная жизнь осужденных пожизненно

За последние шесть лет я посетила достаточно много зон. Мои встречи с осужденными всегда проходят в присутствии офицеров или охранников. Письма, которые я получаю, всегда просматриваются – таков порядок. Это письмо я получила как и другие.

Осужденный захотел прояснить внутреннюю жизнь заключенных и высказать свои соображения.

Вот письмо Олега «Х».

Валерия Сергеевна, здравствуйте!

Этим небольшим письмом мне бы хотелось рассказать Вам о дегуманизации людей, кто по долгу службы призван честно соблюдать установленные юстицией обязанности и законность в отношении лиц, отбывающих наложенное судом наказание.

Но прежде чем приступить к данному письму, я хочу, чтобы Вы знали, что мне пришлось долго думать над правильностью своего мужественного решения обнажить перед Вами хотя бы малую, но основную часть запретных деяний, которые творили наделенные властью люди, работавшие непосредственно на моем участке. Я взвешивал перед самим собой категорию опасности этого письма, где на одной из чаш воображаемых весов стоит моя собственная жизнь.

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2002. № 3. С. 51–60; № 4. С. 100–114; 2003. № 1. С. 97–117; № 4. С. 121–143; 2004. № 1. С. 118–130; № 2. С. 128–145; № 3. С. 115–127. №4. С. 97–106; 2005. № 1. С. 157–175; № 2. С. 137–142; № 3. С. 82–93; № 4. С. 100–114; 2006. № 1. С. 110–118; № 2. 141–146; № 3. С. 145–151.

Мне пришлось долго думать над правильностью моего решения

«Считаю своим долгом рассказать истинную правду»

Что бы ни случилось со мной в этом забытом Богом месте, от которого ничего хорошего я никогда не ждал и не жду, считаю своим долгом рассказать Вам истинную правду о нашей «жизни» в здешних условиях, дабы Вам лучше была понятна душа каждого отдельного участника, вошедшего в состав исследуемой Вами группы. Заодно, совместно с этим, хочу, чтобы Вы своим профессиональным взглядом оценили внутренний облик тех, кто согласно закону и присяге был призван охранять и исправлять Ваших подопечных.

Отмечу также, что поводом для этого повествования послужила не столько переполнявшая мою душу обида на персонал администрации за все причиненные мне в течение шести лет моральные и физические страдания, сколько интересная статья, почерпнутая из компетентного источника, напрямую относящегося к Минюсту.

«Слышали ли Вы о проведении зарубежными психологами эксперимента?»

Но сначала хотелось бы спросить: слышали ли Вы о проведенном зарубежными психологами эксперименте с моделированной тюрьмой? Если нет, то специально для Вас я опишу эту тюрьму из упомянутого выше источника. Ну, а если слышать приходилось об этом эксперименте, то тем лучше. В любом случае этот эксперимент послужит базовым началом для моих откровений.

Итак: «На этапе подготовки к эксперименту были отобраны 24 испытуемых – учащиеся колледжа. Их разделили на две группы, которые по своим социально-демографическим и психологическим свойствам существенно не отличались, но одна из них выполняла роль надзирателей, а вторая – заключенных. Под помещение «тюрьмы» был отведен подвал здания. Здесь были оборудованы три камеры с решетками, нарами и другими соответствующими атрибутами, а также карцер. Униформу заключенных составлял халат с личным номером на груди и на спине. На лодыжке одной из ног заключенного был прикреплен металлический запирающийся браслет с цепью. Все внешние атрибуты «надзирателей» (форма, дубинка и т.д.) также способствовали идентификации с выполняемой социальной ролью. «Надзиратели» работали посменно, а «заключенные» должны были провести в камере две недели.

* Речь идет о так называемом стэнфордском тюремном эксперименте проведенном Филиппом Зимбардо в 1971 году.

Уже с первых часов общения между «заключенными» и «надзирателями» стали устанавливаться враждебные отношения

Видеозапись зафиксировала, что уже с первых часов общения между «заключенными» и «надзирателями» стали устанавливаться отношения враждебности, агрессивности.

У большинства «заключенных» наблюдались такие симптомы, как потеря личной индивидуальности (все стали похожи друг на друга), снижение чувства собственного достоинства, подавленность, враждебность по отношению к «надзирателям». Ситуация оказалась настолько сложной, что пятерых «заключенных» пришлось освободить через пять суток, так как они впали в состояние депрессии, часто кричали, ожесточились и проявляли крайнее беспокойство. Один «заключенный» был освобожден после того, как у него на коже появились пятна вследствие психического напряжения.

У «надзирателей», наоборот, повысилась самооценка, уверенность в себе, проявлялось стремление к корпоративности, а также желание добиться полного подчинения осужденных. Действия «надзирателей» по отношению к «заключенным» впоследствии оценивались как жесткие, а порой и жестокие. Эксперимент, рассчитанный на две недели, пришлось приостановить спустя семь дней.

«Эксперимент показал, что социальная роль меняет психологию и поведение человека»

Эксперимент наглядно показал следующее. Во-первых, социальная изоляция в виде лишения свободы оказывает существенное влияние на психику человека. Причем более сильное, чем представляют себе многие работники правоохранительных органов. Во-вторых, именно социальная роль (например, «надзиратель») меняет психологию и поведение человека, побуждая действовать на основе сложившихся социальных стереотипов». Смотрите журнал «Преступление и наказание» №6 за 2004 год.

Как видите, Валерия Сергеевна, в целом эксперимент показал, что даже вполне благопристойные люди, когда им поручают особую общественно значимую деятельность и наделяют их властными полномочиями, одновременно снимая с них индивидуальную ответственность за последствия своих действий, склонны к проявлению неопределенной жестокости ради выполнения поставленной перед ними задачи. Напрашивается вопрос: откуда в людях берется столько зла, жестокости и ненависти? И почему?

«В таких случаях действует механизм дегуманизации личности»

Мне кажется, что в таких случаях действует своеобразный психологический механизм «дегуманизации личности»: раз он плохой, то по отношению к нему можно применять жесткие средства. То неуважение, с которым мне пришлось столкнуться сразу по приезде в настоящее учреждение, можно назвать пол-

не закономерным, ибо с психологической точки зрения, любой надзиратель – такая же жертва системы, как и заключенный. Но, тем не менее, какими бы сложными ни были ситуации и как бы не давили на человека внешние факторы, он всегда сам принимает решение о том, какую линию поведения избрать. Следовательно, за свои поступки он несет персональную ответственность, о которой, кстати, всегда обязан помнить.

«С реформированием пенитенциарной системы... стали появляться профессиональные психологи»

В связи с реформированием пенитенциарной системы, в связи с новым подходом – гуманизировать карательную политику, во многих учреждениях стали появляться профессиональные психологи, в обязанности которых входит оказание психологической помощи как осужденным, так и персоналу исправительного учреждения.

Но все же, как я думаю, одним из главных направлений деятельности психологов, связанных с реализацией положений международных правовых актов, является выявление и коррекция психологических причин нарушения законности персоналом исправительных учреждений. Естественно, таким преобразованиям, проводимым нашим государством, мы очень рады, но дело в том, что возможность близкого контакта со штатным психологом у нас появилась лишь во второй половине 2005 года и к тому же назвать такую возможность контакта конфиденциальной пока еще нельзя в силу некоторых причин, о характере которых Вы знаете. Да и потом, даже если бы и была у нас такая возможность пообщаться с психологом тет-а-тет, я не думаю, что в одиночку он смог бы ликвидировать основные наши проблемы. Поэтому о приведенных ниже фактах я решил рассказать непосредственно Вам, а не штатному психологу. Только прошу Вас помнить, что моя цель – это задача показать прочность внутреннего состояния людей, взятых с «помойки», но, тем не менее, поставленных быть нашими «воспитателями». Из описываемых мною фактов Вы увидите, что таковыми они числились только на бумаге, а на деле же, ей Богу, являлись (а кое-кто и до сих пор является) самыми настоящими деспотами, изоциренными садистами, творящими беспредельные беззакония на вверенной им территории.

«Нам посредством резиновых "демократизаторов" дали понять, что мы прибыли на бесконтрольную территорию»

Так вот, по приезде в зону всем нам посредством резиновых «демократизаторов» сразу же дали понять, что мы прибыли на бесконтрольную территорию, которой правят люди, полностью лишённые человеческого облика, а следовательно, и таких естественных качеств, как справедливость, честность, непредвзятость, мораль и сопутствующих этим каче-

ствам чувств сострадания, понимания, толерантности и т.п. И действительно, потребовалось совсем немного времени для того, чтобы на собственных шкурах почувствовать всю серьезность этих удивительных слов, а также в полной мере испытать саму атмосферу катастрофического напряжения и безжалостной ненависти, карательный способ которых, выражался в основном в систематических избиениях, грубом подавлении воли и во всяческих до абсурда невыносимых унижениях, доводящих людей до скотского состояния в прямом смысле этого слова.

«Система подобного "воспитания" не могла не вызывать ... депрессивных состояний»

Естественно, система подобного «воспитания» не могла не вызвать в душах до крайности забытых и униженных заключенных депрессивных и стрессовых состояний, случаев суицида, заболеваемости тем или иным недугом, а также чувств взаимной неприязни, о которой не говорили вслух. Почему? Потому что боялись наказания резиновой дубинкой, удары которой и без того ежедневно слышим на коридоре. Стоит сказать, что пассивность заключенных в отношении данных методов нестандартного «воспитания» как раз и вызывает всю цепь творимых несправедливостей и беззаконий со стороны сотрудников, которые фактически не встречали бурных возражений или сопротивления. А если же таковые и случались как редкое исключение, то тут же быстро подавлялись посредством известного нам «демократизатора».

«Я свидетельствую истинную правду»

Чувствую сердцем, что Вам, Валерия Сергеевна, очень трудно во все это поверить, но между тем у меня абсолютно нет никакого повода для бессмысленной лжи. Поэтому считаю нужным подчеркнуть, что в настоящем повествовании я свидетельствую истинную правду о том, что здесь происходит на протяжении нескольких лет, а кое-что и по сию пору продолжает твориться, правда, уже в гораздо меньшей степени. Но лично меня после всего того, что я здесь перенес, не умиротворяют даже эти малые объемы, так как мой пресловутый псориаз, который мне привили в данном заведении, все равно, проходить не желает. Кстати, достоверность моих слов Вы очень даже легко можете проверить при помощи Ваших подопечных, если сделаете распечатку моего письма с следующей задачей для его комментариев. Но более всего мне бы хотелось попросить Вас опубликовать это письмо в Вашем журнале, дабы люди знали (и в частности господин Добреньков), в каких санитарно-курортных условиях мы пребываем.

«В настоящий момент на нашем участке произошли заметные улучшения...»

В настоящий момент на нашем участке действительно произошли заметные улучшения, ибо нас прекратили избивать, как это еще было полгода назад. Очевидно, спасибо за эти улучшения нужно сказать европейской комиссии, которая приезжала сюда летом 2005 года с инспекционным заданием выявить случаи нарушения международных соглашений. Кстати, я один из тех, кто удостоился чести побеседовать с ними конфиденциально, и единственный, у кого имеется визитка с адресом их организации. Содержания беседы не вижу смысла передавать, но для утешения Ваших подопечных скажу лишь одно, что комиссия уехала отсюда с чувством огромного удовлетворения.

Вы уж, пожалуйста, простите меня, Валерия Сергеевна, за сжатость и краткость рассказанных фактов, но повторюсь, что моей целью является желание показать черствость натур местных надзирателей, то есть их явную деморализацию и дегуманизацию, проявляемую в этих стенах.

«Со временем методы местной инквизиции дошли до абсурда...»

Так вот, согласно моим шестилетним наблюдениям за деятельностью людей, облаченных в мундир, могу сказать следующее: чувство ярко выраженной антипатии к заключенным они впитали, очевидно, еще с молоком матери, с совместной передачей генов от отцов и дедов, когда-то работавших в органах исправительной системы. Это очень заметно по поведению молодых сотрудников, заступивших на службу относительно недавно. С первых дней они уже показывали злость своих сердец, что, естественно, сразу же ставило их на одну ступеньку с сотрудниками со стажем. Многие из них выражали свою ненависть к нам методом пунктира, то есть от случая к случаю, зависимую от внешних обстоятельств или личного настроения. Иные, напротив, до того были гадливы по своей сущности, что специально старались выискивать всевозможные причины для составления «липовых» актов, которые, в свою очередь, служили негласным поводом для неизбежного наказания резиновой дубинкой. Со временем методы местной инквизиции дошли до такого абсурда, что на территории участка, также негласно, вошла в моду некая норма наказания дубинкой, отсчитывающая определенное количество ударов за те или иные «нарушения», которые, как правило, начинались с двух ударов, а заканчивались неопределенным числом, часто насчитывающим несколько десятков мощных хлопков. Причем доставалось абсолютно всем без исключений, как старому, так и малому, как здоровым, так и больным, после чего заставляли с улыбкой сказать: «Спасибо». За отказ тут же следовала очередная порция добавки.

«Надеюсь, Вы понимаете, почему Ваши подопечные обнаруживают некоторую скованность...»

Надеюсь, теперь Вы понимаете, почему при индивидуальных беседах Ваши подопечные обнаруживают некоторую скованность и предпочитают помалкивать, хотя им есть что сказать и на что посерчать. Уверяю Вас, при конфиденциальной беседе они были бы более разговорчивы и откровенны. А так они даже в письмах стараются держать свои откровения в рамках дозволенного из чувства страха быть наказанными за не так выраженную мысль, которая хищному цензору может показаться подозрительным намеком, якобы бросающим тень на безупречную «чистоту морального облика администрации».

«Мы знаем этих "героев" невидимого фронта»

Когда удастся прочитать в местной газете о деятельности того или иного сотрудника, то диву даешься от показной бравады и от тех трудностей, которые ему приходится преодолевать на службе, часто не жалея собственной жизни от окружающей опасности. Тьфу. Все это есть не более как наглое лицемерие, рассчитанное на простых обывателей, которые из полученной информации могут судить о человеке так, как об этом написано. Что же касается нас, то мы, как полуживые и безвольные жертвы, знаем этих «героев» невидимого фронта совсем с другой стороны.

Говоря об опасности, хотелось бы подчеркнуть и согласиться с фактом ее реального существования. Но только дело в том, что исходит она, как это ни странно, непосредственно от самих сотрудников, и если от нее веет какой-либо угрозой, то зависает сия угроза именно над нами. Хотите верить, а хотите нет, но за все время своего нахождения я ни разу не обидел и не оскорбил ни одного сотрудника настоящего заведения. А вот сам, напротив, был неоднократно ими бит и унижен, отчего собственно и заболел впоследствии псориазом и туберкулезом легких, хотя приехал сюда абсолютно здоровым. Вот такие, значит, дела.

Если Вы спросите меня, кто виноват во всех этих бедах, то я ответил бы так: первоначальная вина лежит на государственном строе, который и придумал институт карательной политики, воспитав соответствующие кадры для ее исполнения. Эти кадры, до сих пор используют изжившие себя методы исправления, несмотря на то, что политика нашего государства заметно изменилась (гуманизировалась). Следовательно, эти кадры и виноваты во всех наших бедах.

Честно говоря, мне и вспомнить-то даже противно обо всех этих варварских методах, которым я подвергался в течение шести лет, а потому буду заканчивать свои откровения. Считаю, что моей информации Вам будет

О варварских методах...

достаточно для того, чтобы сделать соответствующую оценку моральному облику наших надзирателей.

Что же касается моей оценки, то я охарактеризовать их могу только как людей низкого интеллектуального уровня (это касается сотрудников младшего состава), как людей со злобным и неуравновешенным характером, чрезмерно эмоционально вспыльчивых, мстительных, деспотичных, невежественных и морально пошлых. На мой взгляд, такие люди, получившие воспитание и обучение по гуглаговской системе истребления, не могут и не должны работать в подобных учреждениях и особенно теперь, когда наша страна, базируясь на международных стандартах, реформирует собственную пенитенциарную систему в сторону гуманизма и соблюдения прав человека, независимо от сферы его социального положения. Кадры в органы исправительной системы должны набираться исключительно через прохождение необходимых психологических тестов, которые и определяют пригодность к несению данной службы. Здесь должны служить компетентные в сфере работы с осужденными люди, которые оставляют дома свои пороки и негативную эмоциональность, но на службе ограничиваются исключительно рамками закона и только закона. Пока это не будет достигнуто, ни о каком порядке в данном заведении не может быть и речи.

Напоследок хотелось бы вспомнить одну мудрую поговорку, гласящую: «Не говори, что знаешь, но знай, что говоришь». Она под стать сегодняшнему моему положению, где можно поплатиться головой за неправильно выраженное слово. Но только дело в том, что мне до чертиков все это уже надоело, главным образом, сами ощущения скованности от царящей здесь напряженной атмосферы, попирающей мою и без того ограниченную свободу, поэтому я говорю именно то, что знаю. К настоящему письму прикладываю лист, на котором Вы обнаружите еще один факт изоциренного душевного истязания. При прежнем начальнике подобными клятвами обеспечивали каждую камеру, требуя заучить ее наизусть, а в случае отказа, известное дело, — «приз» в виде «демократизатора».

Клятва

Я, осужденный (Ф.И.О.) отбываю справедливое наказание за совершенное мною преступление. Своими действиями я принес горе не только пострадавшим, но и Родным и Близким, тем, кто верил в меня.

Администрация колонии, желая добра, проявляет

«Я могу их охарактеризовать как людей со злобным и неуравновешенным характером»

«Знай, что говоришь»

«Я, осужденный "X" отбываю справедливое наказание за совершенное мной преступление»

отеческую заботу о нашей судьбе. Слова наших матерей побуждают каждого из нас переосмыслить свою жизнь.

Сегодня я с полной ответственностью даю клятву, что никогда больше не принесу страдания окружающим.

Клянусь – не нарушать закон!

Клянусь – быть честным тружеником!

Клянусь – вернуть доверие Родных и Близких!

Клянусь – досрочно освободиться и стать достойным гражданином Отечества!

(Произносится торжественно, приложив правую руку к сердцу.)

До встречи».

23.09.2005 г.

А еще он приложил свои стихи

А еще он приложил свои стихи:

*А годы проходят и дни улетают,
А я все такой же,*

Как был и вчера,

*И сердце тоскует, о чем-то мечтая
Сжигая в печалах мои вечера.*

Порой ностальгия настолько затянет,

Что хочется волком завывать на луну,

Но в душу чужую никто не заглянет,

Как вряд ли кто примет чужую вину.

Случалось, мальчишкой я был в зоопарке,

Где с чувством восторга взирал на зверей,

Там пумы и тигры,

Там утки-казарки,

Там лани,

медведи

в клетки без дверей.

И было порою пред ними мне стыдно

Стоять у решеток, смотря им в глаза,

Поскольку нередко казалось, что видно,

Как в зоре зверином дрожала слеза.

За что их свободы лишили? Кто скажет?

Какую неправду за ними нашли?

Об этом, увы, нам никто не расскажет.

А все потому, что вины не нашли.

И все мы такие, как есть, очень злые

Людьми называясь, мы звери в душе,

Сердцами своими как будто живые,

А духом на смертном, стоим рубеже.

Невинных виною своей обвиняем

И болью чужой утешаем сердца,

А жизнь отнимая, нередко равняем

*Права человека с правами Творца.
И только теперь, в кандалах, я поверил
Без чуждых подсказок и разных идей,
Что люди и есть – настоящие звери,
А звери похожи, как раз, на людей.
В безумии мир расставляет капканы,
Не ведая правды, не зная добра,
Теперь вот и я, словно зверь, заарканен,
О чем и тоскую в мои вечера...*

Конечно, жить в условиях пожизненного заточения подчас почти невозможно

Однако человек может подняться над внешними условиями своей внутренней позицией

Конечно, жить в условиях заточения, когда ты осужден пожизненно, не просто, подчас почти невозможно. Жизнь может быть подобна немыслимому тягостному существованию. Особенно – если погрузиться в эти безусловно депривующие человека условия.

Однако доколе человек жив, он может влиять на условия своей жизни. Человек может подняться над внешними условиями своей внутренней позицией в отношении к своей занятости даже в узах зоны, где содержатся осужденные пожизненно.

Письмо Алексея Л.

Валерия Сергеевна, здравствуйте!

«Посылаю Вам одновременно три конверта – письмо плюс перевод первой главы»

Посылаю Вам одновременно три конверта – вот это самое письмо плюс перевод первой главы того текста, который Вы мне привезли специально для перевода. Перевел-то я его быстро, только вот дела у меня с переписыванием черновиков на бело очень и очень медленно идут: чтобы написать один стандартный лист, мне требуется в среднем три часа времени. Не знаю, в чем причина, но факт остается фактом – пишу я очень медленно... Но вот, наконец-то, все переписал, оформил все вроде бы тоже правильно и теперь предоставляю свой перевод на Ваш суд. Теперь несколько моих замечаний по переводу:

1. Книга называется «Developmental psychology». Вообще-то название науки переводится как «психология развития». Но в самом тексте очень часто встречается слово «развитие» в самой разной форме по надеждам и склонениям. Есть даже выражение «развитие психологии развития», что звучит как-то тавтологически... Подумал я, подумал, затылок почёсал, глаз прищурив в это время, скрипя сердцем, заменил название на не совсем точный синоним «психология роста», от такой замены текст как-то более ровным получается, на мой взгляд. Валерия Сергеевна, если же этой своей заменой я допустил грубую ошибку, то Вы вооружитесь красной пастой, и при чтении сразу же зачер-

квивайте слово «рост» в названии «психология роста» и пишете вместо него слово «развитие», чтобы получилось правильное название: «психология развития».

2. Как обычно, черной пастой я писал свои небольшие пояснения к переводу, в основном это касается фамилии и списка литературы. В отношении фамилии: французские, немецкие, швейцарские и любые другие собственные имена читаются не совсем так, как это принято в английском языке, что вызывает у меня некоторые трудности. Поэтому у меня просьба к Вам, Валерия Сергеевна: не могли бы Вы привезти мне какой-нибудь список известных и знаменитых ученых-психологов по теме этой (на русском языке), чтобы я мог контролировать себя в дальнейшем? Но в любом случае, когда я буду впервые писать фамилию, то в скобках буду приводить ее оригинал. Например: Стэнли Холл (Stanley Hall), чтобы в случае чего меня можно было бы сразу поправить. Теперь касательно списка литературы. Валерия Сергеевна, в тексте ссылки даны вот таким образом: (Vorstellung, 1983) – в круглых скобках дана фамилия автора статьи и соответствующий год издания этой статьи, а номера страниц даны только в том случае, если есть конкретный текст из нее, а когда дается просто общая ссылка на статью, то никакого номера страниц не указывается. Пример Ж [2] – это (Vorstellung, 1983)ж а [5] – это (Ицкыеудьфттб 1983б стр. 14). Для главы 1 в качестве списка литературы приводится всего лишь пять статей – это [2]; [6]; [8]; [15] и [21], остальные же статьи будут расписаны где-то в дальнейших главах.

3. По ходу текста я подчеркивал те слова, которые в оригинале даны курсивом. Некоторые слова напечатаны жирным шрифтом, я их тоже выделял.

На этом вроде бы и все с переводом. Теперь по поводу тех трех книг, которые Вы мне привезли для чтения. Первая – это книга английского философа Бертраана Рассела, Нобелевского лауреата 1950 года по литературе, в которой он обращается к вековым нравственным вопросам и по-новому раскрывает их для нас. Написана она вполне доступным популярным языком. Вторая – это чисто научная книга Фрэнсиса Гальтона о наследственности. Эту книгу считают первой научной попыткой определить и сформулировать законы наследственности. Чарльз Дарвин отзывался о ней: «Не думаю, что я когда-либо читал в своей жизни что-то более интересное и оригинальное, чем

Алексей дает пояснения к переводу

«По ходу текста я подчеркивал те слова, которые в оригинале даны курсивом»

эта книга». В ней исследуются родословные выдающихся генералов, судей, госдеятелей, писателей и т.д. А третья книга – художественная, дословно переводится как «Благодетель», но имеет подзаголовок «В поисках себя». Повествование ведется от первого лица, которое рассказывает о странных взаимодействиях со своим еще более странным другом. В центре внимания – сны главного героя и то, как они переплетены с реальностью. Соответственно все три книги очень хвалят в их аннотациях.

У меня все нормально. День занят с утра до вечера. Смотреть в потолок абсолютно некогда, да и вообще уже не хочу и не тянет этого делать. Живу, радуюсь, перевожу, так что хоть этим считаю себя полезным для общества. Очень интересное занятие, мне очень нравится. Даже своеобразный азарт испытываю. Валерия Сергеевна, я пока занимаюсь художественной книжкой, интересно мне свои силы на ней проверить. Лампочки у нас горят все, так что в камере очень светло; а тех лампочек, которые Вы передали нам вместе с письмом, хватит на очень долгое время. Спасибо Вам, Валерия Сергеевна, что так заботитесь о нас! Андрею постоянно закапываю три раза в день глазные капли. Он постоянно забывает, так что мне приходится ему постоянно напоминать во всяких разных шуточных формах, а он за это зовет меня «эскупером». Мы сидим с ним уже почти восемь недель – и абсолютно между нами нет никаких трений! И это очень здорово!

Пишу письмо, а за окном разразилась гроза. Наконец-то в камере посвежело. А то на улице температура +30°C, ветра практически нет, духота страшная и тут вдруг такое облегчение! Странно, но гроза меня всегда настраивает на какой-то лирический лад – не на банальный – «люблю грозу в начале мая», а гораздо на более романтический, наподобие «Шторма» Вивальди... Куча разных воспоминаний сразу же в голове!

А Вы знаете, Валерия Сергеевна, я заметил, что теперь у меня преобладают в основном хорошие воспоминания!.. Неужели это мое выздоровление? Или просто какое-то временное «наваждение», своеобразное, связанное с тем, что домой вернулся Андрей? Ладно, что толку болтать! Нужно радоваться этому – что и делаю! Не волнуйтесь за меня, Валерия Сергеевна, все хорошо у меня: живу, радуюсь, работаю и жду всегда встречи с Вами!..

Ходим гулять, смотрим на одуванчики, которые растут на газоне перед двориками, но они уже отцве-

«У меня все нормально... смотреть в потолок абсолютно некогда»

«Гроза меня всегда настраивает на лирический лад»

«Я заметил, что теперь у меня преобладают в основном хорошие воспоминания»

«Ходим гулять, смотрим на одуванчики...»

тают, желтые их головки покрываются белыми пушинками и улетают. А когда возвращаемся в камеры, то обязательно вспоминаем Ваши цветы – вроде бы мелочь, но для нас Ваши цветы стали намного главнее, чем колбаса с бананами. Не хлебом единым жив человек! Спасибо Вам!

«Но смертная казнь нужна!..»

Про статью о смертной казни – наверно, мне больше добавить нечего к своему прошлому письму. Если сейчас начну писать, то, наверно, просто немного в других словах повторю все свои прошлые мысли. Но смертная казнь нужна!..

Вот и гроза закончилась. И ветер сразу стих, но солнышко еще за облаками. Посветлело заметно. Стрижи начали летать, они вообще с утра до вечера носятся и кричат пронзительно так! А камера полна комаров! Стоит только утром открыть окно, как они сразу же устремляются к нам! Но все равно весь день держим форточку открытой ради свежего воздуха, а комаров время от времени хлопаю на себе. Видно, завтра снова жара будет. Приезжайте к нам скорее, Валерия Сергеевна! Тогда никакая жара на нас не будет действовать. Приезжайте!!!

«У меня к Вам опять музыкальная просьба...»

Валерия Сергеевна, а у меня к Вам опять музыкальная просьба: в который раз уже прошу у Вас тексты песен:

1. Mike Oldfield: "Moonlight shadows".

2. ABBA: "The winner takes the all".

3. Что-нибудь из Roxette как напоминание о студенческих годах. Тем более сегодня последний звонок в школах, а это соответствующие воспоминания о школе, об институте... Наверно, поэтому и созрела у меня такая просьба. Вот и с Андреем поговорили за чаем о своих школьных последних звонках, он о своем рассказал, я о своем – здорово!

«У нас так дни и летят: работаем, чай пьем, на прогулку ходим...»

В принципе у нас так дни и летят: работаем, письма он пишет, чай пьем, на прогулку ходим, боляем... Все хорошо у нас с Андреем!

Здоровья Вам, Валерия Сергеевна, поменьше волнений и побольше спокойствия души. За меня не переживайте, у меня все хорошо!

С уважением и благодарностью к Вам – Алексей.

25.05.2005

(Продолжение следует)

